

Т.И. Калужникова (УГК)

ДЕТСКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО УРАЛА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Сопоставление традиционного и современного уральского детского песенного фольклора убеждает в преемственности бытующей сегодня музыкальной культуры детства по отношению к таковой в прошлом. Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении материалам¹, почти все ключевые аспекты акустической активности современного ребенка имеют аналоги в традиционной культуре, поскольку в обоих случаях они ориентированы на универсальные особенности возрастного развития детей.

Нельзя не заметить, что в песенной сфере современной городской детской субкультуры утрачены некоторые *жанры* (календарные, хороводные), представленные в традиционном детском репертуаре и отчасти сохранные у сельских детей. Одновременно появляются и новые компоненты жанровой системы, такие, например, как анекдоты с песнями, рассказы с пением на темы телевизионной рекламы, авторские песни. Остаются неизменными *классы, типы и виды интонаций*, хотя в современном интонационном словаре наряду с формулами, отсылающими к прошлому, встречаются и обороты современного происхождения. Детское пение разных эпох объединяет и первостепенная роль в нем *темброво-артикуляционных* факторов. Коррелируют между собой *структурные основы* традиционных и современных детских песен. Особая роль принадлежит в них ритму, что обусловлено синкретическим (объединяющим пение, движение, игру) характером деятельности детей. Аналогичны и многие ритмоформулы (цезурированные и сегментированные), имеющие в обоих случаях объем, равный 7 ± 2 знакам. Но в современных песнях значительна также роль тактовой ритмики, не типичной для традиционного фольклора. В *звуковысотной* сфере наблюдается ведущее положение модальных ладовых систем, общих для традиционных и современных детских песен. Закономерности песенного *формообразования* базируются в той и другой сферах на принципе соположения одинаковых либо разных синтаксических структур. Сходными чертами отмечено в сравниваемых системах и явление *формульности*. В сфере *прагматики* на смену традиционному ритуалу как «живому явлению» сегодня пришли ритуализированные ситуации музицирования; вместе с тем игра и бытовая обстановка

по-прежнему остаются актуальными контекстами акустической деятельности ребенка.

Есть соответствия и в трактовке детьми в прошлом и настоящем звучания как элемента целостного *образа мира*. В обоих случаях мифологические воззрения на бытие включают две парадигмы – сакральную и смысловую. При этом в традиционной культуре, наряду с языческим комплексом представлений, складывается и христианский, почти утраченный сегодня, в современной же – наряду с мифопоэтическими взглядами, идущими из прошлого, формируется новая мифология, переводящая в символическую плоскость явления современной жизни. Наблюдается сходство и в трактовке категории звучания: неизменно она осмысливается с позиций дуального принципа мироустройства, что обуславливает группировку детьми звучаний в два полярных сегмента – позитивный и негативный. Однако соотношение звуковых сфер с положительной и отрицательной семантикой в сравниваемых системах неодинаково: если в традиционной детской картине мира они сбалансированы, то в современной в целом заметно доминирование отрицательного полюса, воплощающего разрушительные, жестокие реалии окружающей действительности.

Специфична и направленность онтогенетической *эволюции* детских представлений о звучании в прошлом и настоящем. В традиционном обществе главным результатом такой эволюции становится булшая дифференцированность акустических образов, воспринимаемых и классифицируемых ребенком к концу периода детства, по сравнению с его начальной фазой, тогда как сама модель универсума и ее звуковой код остаются в своих семантических основаниях неизменными. Иная ситуация складывается в наши дни, когда на границе младшего и старшего дошкольного возраста у детей происходит смена культурного вектора: господствующее до пяти лет восприятие звучащей действительности по законам традиционной культуры с ее установкой на акустическую гармонию мира на следующей ступени онтогенеза уступает место преимущественно негативному мирослышанию. Показательно, что в этом поле сакрализуются главным образом отрицательные звуковые комплексы, в силу чего дуальная модель мироздания в акустической плоскости оформляется обычно в виде оппозиции: символические (–) / бытовые (+) звучания. Тот факт, что в традиционной культуре голос и пение выступают поведенческими знаками не только людей, но всего живого, наделяемого антропоморфными чертами, свидетельствует о невыделенности человека из природы, иными словами, о мифопоэтическом тождестве микро- и макрокосма. В месте с тем в оппозиции *природа-культура*, по К. Леви-Строссу, значимой в системе мифологического мышления, эти категории соотносятся с пра-

вым ее звеном, занимающим в шкале ценностей прошлого более высокое положение, чем левое, где концентрируются нечеловеческие формы звукового поведения – молчание, крик, вой, свист и пр. В противовес традиционным представлениям в новой детской мифологии магическим значением наделяются прежде всего голоса неживые, механические, искусственные, рожденные культурой (пластинка, магнитофон, телевизор и др.), что приводит к смысловой инверсии рассматриваемой понятийной пары: здесь культура принадлежит негативному полюсу, а природа, постепенно исчезающая из нынешнего «звукового пейзажа», – позитивному.

Примечания

1. Материалами для исследования послужили следующие работы: Как Вась-утёночек по бережку гулял... Уральские игровые песни для детского музицирования. / Сост.-ред. Т.И. Калужникова, М.А. Кесарева, В.В. Медведев. Екатеринбург, 1998; Калужникова Т.И. Возрастные особенности интонирования (на материале современного детского фольклора Свердловской области: X и XI Виноградовские чтения (международные науч. конф.): Москва. 1996; Ульяновск. 1998: Материалы. / Отв. ред. М.И. Чередникова. Ульяновск, 1998. Ч. III. С. 59–70; Колыбельные песни (из фондов Свердловского областного Дома фольклора). / Сост. В. Балкова. Екатеринбург, 1997; Традиционный материнский и детский песенный фольклор русского населения Среднего Урала. / Сост., нотация, вступ. статья и коммент. Т.И. Калужниковой. Екатеринбург, 2002. (Серия «Библиотека уральского фольклора». Т. 3).

В.Г. Карелин (ОУК)

ИСТОКИ «ДУХОВНОЙ» В.Н. ТАТИЩЕВА

Среди наследия В.Н. Татищева «Духовная» является весьма значительным трудом, который можно поставить в ряд духовных памятников русской культуры, таких как «Поучение» Владимира Мономаха, «Домострой» Сильвестра, «Завещание отеческое» Посошкова и др.

Историю написания «Духовной» Татищевым рассмотрел С.Н. Валк [1]. В его распоряжении было 19 рукописей «Духовной». Пять из них датированы по времени «списания»: от 1751 до 1793 г. Остальные по палеографическим признакам отнесены к концу XVIII в. Все эти рукописи текстуально аналогичны и различаются лишь разночтениями некоторых слов и выражений. В ГАСО хранится две рукописи «Духовной» Татищева, которые не учтены в списке Валка [2, 3]. «Духовная» Татищева была впервые напечатана в 1773 г. [4], а издателем ее был С.В. Друковцов, сын В.М. Друковцова, который служил секретарем у Татищева. Рукопись «Духовной»,